

P A S T A V O S

*Remarks*ВОЗРАЖЕНИЯ К СТАТЬЕ РОСИНАСА
„DAR DĖL ADESYVO KILMĖS AIŠKINIMO“

С интересом ознакомился со статьей Росинаса (Rosinas 2005), в которой он критикует мои последние две работы об адессиве (Сержант 2004а) и инессиве (Seržant 2004b). Очень неприятно было отметить, что автором был выбран, на наш взгляд, неадекватный стиль и тон, не соответствующий его положению и образованию. Ниже следует обсуждение фактов, приведенных Росинасом и наши возражения.

1. (стр. 177–178). Окончание локатива пралат. *-i

Для объяснения распространения окончания инессива ед. ч. *ā-склонения и на *o-склонение мы предполагаем, что в пралатышском праязыке еще существовало окончание «немаркированного» локатива, являвшегося непосредственным продолжением и.е. локатива: *ā-склонение: *-eh₂-i > прабалт. *-ai > пралат. *-i и *o-склонение: *o-i > прабалт. *-ai > *-ie > пралат. *-i, по той причине, что данные окончания сохранились в литовском языке (в форме adess. sg. *žmon-ai-p*,¹ adv. *nam-iē*), а следовательно, были и в правосточнобалтийском, т. е. могли быть унаследованы и латышским языком. Естественно, что „... tokią pat galūnē *-i tuo raidos laikotarpiu turėjo turėti *ia*, *ē*, *i* ir c kamienų vienaskaitos lokatyvo formos.“ (Rosinas 2005: 178)².

„Taigi konkurencijos padarinys turejo būti nežymėtos formos įsigalėjimas lokatyvo posistemyje. Tačiau taip neįvyko.“ (ibidem)

Здесь хотелось бы возразить следующее:

– как представляется, современная индоевропеистика и лингвистика вообще еще не достигли такого понимания процессов, чтобы исходя из определенной констелляции системных взаимоотношений однозначно предсказывать дальнейшее развитие этой системы. Поэтому такие предположения обычно снабжаются определенной вероятностной оценкой;

– хотелось бы привести аналогичные примеры из других языков, которые, на наш взгляд, опровергают неизбежность упрочнения (*įsigalėjimas*) такого окончания в системе.

¹ Росинас (Rosinas 1999; Rosinas 2005) против такой интерпретации фактов, наши возражения см. в Сержант (2004а) и в данной статье.

² Далее мы будем использовать обозначения типов склонения принятые в индоевропеистике: *-io- (для *-ja₂), *-iā- (для *-ē-), *-i- и консонантное склонение (для с)

(1) В славянских языках очень похожая ситуация. Здесь также совпали по форме окончания loc. sg. *ā- и *o-склонений в -ѣ, при основе на мягкий в -и. Тем не менее, здесь развивается (уже в самых древних старославянских памятниках) полуаналитическая конструкция с предлогом въ(и), по сути аналогичная конструкции, которая лежит в основе балт. инессива, с той только разницей, что в балт. это **постпозиция**, а в славянском – **препозиция**. Однако понятно, что функции у них были примерно одинаковыми – подчеркнуть локальное значение. Аналогия же с латышским заключается еще и в том, что здесь окончание локатива совпадало с дативом ед. ч. (как и в восточно-славянских языках после обобщения места ударения из форм локатива на формы датива). Т. е. более маркированной морфеме было отдано предпочтение, чтобы избежать омонимии.

(2) В иранских языках предлог / послелог ā «к, у» срastaется с окончанием древнего локатива. При этом в авестийском возможны еще обе формы, а в древнеперсидском в основном употребляется уже только форма инессива. Также и здесь предпочтение отдается форме, которая морфологически более однозначна.

2. Относительная хронология и закон Лескина

2.1.

„Формы *úgnip ... schirdipi ...* содержат, на наш взгляд, древнее окончание локатива ед. ч. *i*-склонения, сокращенное по закону Лескина, **-ēi* > **-ie* > **i*“ (Seržant 2004a, 52). *Ta mintis nera nauja – ji pasiskolinta iš Kazlauskos* (žr. Kazlauskas 1968, 154), *nors autorius ir nenurodomas.*“ (Rosinas 2005: 178).

– Естественно, у нас не могло быть и намерения украсть чужую идею!³ Указание и ссылка на Казлаускаса (который так объясняет только форму *i*-склонения, но почему-то не *u*-склонения) находится на 2 страницы раньше в Сержант (2004a: 50).

2.2.

„... kaip atsiradus postpoziciniams vietininkams dar iki $\bar{V}R$ dvigarsių trumpėjimo greta naujųjų vienaskaitos inesyvo formų **rank-ājen*, **žem-ējen* lietuvių kalboje galėjo egzistuoti net iki Leskieno dėsnio *i* kamieno senosios lokatyvo formos su **-ēi* > **-ie*, pvz.: **ak-ē* ir t. t. (p. 52)“ (Rosinas 2005: 178).

– Форма *-ie* нигде не засвидетельствована (в конце слова), поэтому мы ее обозначали (Сержант 2004a: 52) и обозначаем далее как реконструкцию **со звездочкой** **-ie*.

– Форм **rank-ājen*, **žem-ējen* нет и не могло быть ни в Сержант (2004a) ни в Seržant (2004b) по следующим причинам: на наш взгляд, окончание инессива **ā*-склонения (а следовательно и **-jā*- / **-ijā*-склонения) являются очень древними и, собственно, источниками распространения инессивного показателя по аналогии. В связи с этим формулировка Росинаса „...greta naujųjų vienaskaitos inesyvo formų **rank-ājen*, **žem-ējen*...“ просто прямо противоречит тому, что доказывалось в течение всей работы Seržant (2004b). Эти формы унаследованы, на наш взгляд, из индоевропейского (см. подробнее

³ Более того, мы были очень обрадованы, найдя таким образом подтверждение собственным предположениям у столь авторитетного ученого как Казлаускас.

Seržant 2004b) и поэтому никак не могут быть новыми. Зинкявичюс, например, также считает, что форма *iness. sg. *ā*-склонения самая древняя среди инессивов (Zinkevičius 1982: 21). Далее, мы восстанавливаем здесь, следуя Стангу (Stang 1966: 128) и его аргументам, инессивную постпозицию **-ēn*. Таким образом, действительно, формы **rank-ājēn*, **žem-ējēn* (не указывая просодика), по нашему мнению, существовали до действия закона Лескина (т. к. иначе они не были бы сокращены по этому закону) и, соответственно, наряду с формами древнего локатива *i*-склонения на **-ēi*.

3.

„Vadinasi, greta *ā* ir *ē* klasių vienaskaitos naujojo inesyvo su **āien* resp. **-ēien* turėjo būti ir *i* kamieno vienaskaitos inesyvas su **-ēien* ...“ (Rosinas 2005: 178).

Форма инессива ед. ч. *i*-склонения возникла хронологически значительно позднее, ср. Seržant (2004b: 62–63), Zinkevičius (1982: 21–22).

4.

„Rytų baltai [...] *i* kamieno vienaskaitos lokatyvo **-ēi* sutrumpino (t. y. **ēi* > *ei*) pagal tipologinio vienodumo principą, plg.:

	<i>ā</i> kam.	<i>ē</i> kam.	<i>i</i> kam.
vns. dat.	<i>*-āi</i>	<i>*-ēi</i>	<i>*-ei</i>
vns. lok.	<i>*āi</i>	<i>*ēi</i>	<i>*ēi</i> > <i>*ei</i> “ (Rosinas 2005: 178–179).

Здесь не учитывается просодика, все окончания датива должны были иметь циркумфлексную интонацию, так как они не сократились по закону Лескина: *rankai*, *žemei*, *akie*. Окончание *i*-склонения должно было иметь акут, так как и.-е. **ēi* в литовском языке дает акут. Реконструкция окончаний *loc. sg. *ā*- и **ē*-склонений как **āi* и **ēi* соотв. не доказана, более того, с точки зрения современной индоевропеистики очень маловероятна, скорее здесь должны быть краткие **-ai* < **-ah₂-i* #, **(i)jai* < **(i)jah₂-i* #. Таким образом, данная аналогия не совсем аккуратна. Кроме того, предположение аналогии, на наш взгляд, всегда является все-таки крайним выходом, и лучше постараться объяснить определенное развитие согласно конкретным фонетическим законам.

„Taip pakitusi *i* kamieno gramatinė morfema kartu su *ei* toliau galėjo virsti **-ē*. Kad tokia raida yra galima, rodo latvių šnektų vienaskaitos inesyvo formas su *-ie* (augšzemniekų šnektose ir su *-î*).“ (Rosinas 2005: 179).

Если мы правильно поняли, то Росинас здесь предполагает, что только **ei* перешло в *ie*, а **ēi* – нет, ср. однако лат. *siēt* но *sēju*, другими словами, лат. *ie* безударного слога может восходить как к прабалт. долготу (**ēi*), так и к краткому дифтонгу (**ei*). Т. е. данные латышского вроде не указывают на необходимость принятия такой аналогии и вообще сокращения **ēi* > **ei*.

5.

„... galėjo egzistuoti [...] adesyvinė konstrukcija lokatyvas + postpozicija **p(r)ę*, pvz., **akę p(r)ę*, kurios pirmojo komponento *-ę* po Leskyno dėsnio virto *-i* (kaip teigia Seržantas), ir tik po to postpozicija (Seržanto nuomone, *pī*) suaugo su lokatyvo forma. Jeigu buvo taip, kaip įrodinėja Seržantas, išimtis neturetų būti ir *ē* kamieno vienaskaitos adesyvas: remiantis Seržanto „logika“ reikėtų laukti ir *ē* kamieno vienaskaitos adesyvo **urp* tipo formų. Neišsivadavus iš šio užburto rato negalima rimtai kalbėti ir apie Seržanto ginamą tokią adesyvo radimosi prielaidą.“ (Rosinas 2005: 179).

Здесь хотелось бы напомнить, что закон Лескина не распространяется на дифтонг пралит. **éi*, – сокращается только лишь (прабалт. **ēi* >) пралит. **ie* > *i* (см., например, Stang 1966: 115; Kazlauskas 1968: 96, *passim*). Естественно, что данное пралит. **ēi* (< прабалт. **(i)jāi* < и.-е. **(i)jeh₂*), никак уж не могло перейти в ***ie* и, соответственно, не могло являться объектом действия закона Лескина. Дифтонг **ái* также не сокращается по закону Лескина. Итак, форма ***urp(i)* никак не вытекает из наших рассуждений.

6.

„Mojuoti indoeuropeistų foliantais vargu ar būtų geras argumentas [...]. Jeigu indoeuropeistų darbuose datyvo forma su *-i* nerekonstruojama, tai indoeuropeistų problema. Baltistai čia niekuo dėti. Vadinasi, indoeuropeistams reikia rimčiau susipažinti su baltų kalbų vardažodžio morfologija“ (Rosinas 2005: 179).

Здесь можно провести методологическую аналогию и сделать предположение, что в прабалт. было окончание датива на *-am* для **o*-склонения (напр. *tēv-am*), так как это окончание появляется уже в самых древних латышских текстах, а то, что балтисты реконструируют другое окончание, является уже их проблемой и им необходимо серьезней и глубже ознакамливаться с данными латышского языка. Другими словами, такая позиция определяется игнорированием фактов других индоевропейских языков.

„Datyvą su *-i* pripažįsta žymiausi lietuvių kalbos istorinės morfologijos specialistai (žr. Kazlauskas 1968, 144t.; Zinkevičius 1980, 164).“ (ibidem)

Как нам кажется, Казлаускас (*loc. cit.*) не восстанавливает для прабалт. окончания dat. sg. **-i*. Все предложенные здесь реконструкции восходят к и.-е. **-ei*. Однако, он признает, что такая форма существует в говорах и старолитовских текстах, с чем мы и не спорили. Большинство балтистов, думается, согласятся с тем, что окончание *-i* в старолитовских текстах не исконное, а возникло либо по аналогии, либо по другим причинам⁴.

7.

„Nežinau, kas paakino Seržantą daryti išvadą, kad, pavyzdžiui, tokiuose sakiniuose *kurp* yra kažkada buvusio adesyvo reliktas: *Kurp iedams? Kurp tu mani nes?* [...] Taigi prieveiksmis *kurp* neturi adesyvui būdingos reikšmės. Jis greičiau primena aliatyvą ar iliatyvą...“ (Rosinas 2005: 180).

⁴ Ср наше предположение в Сержант (2004b: 56).

7.1. Действительно, в современном латышском *kurp* и *šurp* имеют значение движения и отвечают скорее на вопрос *куда?* Однако следует напомнить, что в истории латышского языка произошло совпадение -ессивных и -лативных значений, ср. loc. sg.: *mēs esam ciemos; mēs braucam ciemos; kur viņš iet? kur viņš ir?* Данный феномен распространился даже и на некоторые литовские говоры, ср.: *tėvas yrà miškan'* (Ill.), *tėvas eīna miškè* (Lok.) Zinkevičius (1966: 200–201). Подробнее см. Wälchli (1998: 214), Серебренников (1959: 245f), Seržants (2004c). Следовательно, понятно, что значения направления и места здесь могли совпасть. При этом в старолатышских текстах присутствует локативное (ессивное) значение, ср. *Tehws es gribbu ka kurp es eβtmu arri tee ar mannum irr* (*Tas Jauns Testaments*, 1685 года, Joh. 17.24).

Представляется, что в связи с этими фактами, проекция современного значения формы *kurp* в старолатышский язык и, тем более, в пралатышский является методологически некорректной.

7.2. С точки зрения морфологической формы наречия *kurp* трудно себе представить, что эта форма восходит к древнему аллативу или иллативу. Скорее всего, данная форма исторически восходит к локативу (интеррогативного/ релятивного местоимения *kas*), к которой присоединена постпозиция *-p*. Нам показалось интересным предположение Росинаса о том, что *kurp* является калькой немецкого *wohin*. Росинас скорее всего здесь имел ввиду средненижненемецкое (mittelniederdeutsch) словосочетание *war henne/ wa hen*. Здесь, однако, могут препятствовать некоторые хронологические проблемы:

– дело в том, что приблизительно до XV века только интеррогативное и релятивное *war* использовалось в значении „wo“ и „wohin“ (Grimm 1960: 1016; Lübben 1980: 555).

– слова *wa(r)* и *hen* пишутся приблизительно до XVI века отдельно. Здесь в основном *hen* является отделяемой глагольной приставкой, ср. средневерхненемецк.: *wa ist din mantel komen hin* (Grimm 1960: 1017) „wo ist dein Mantel hingekommen?“

– при этом латышское *kurp* засвидетельствовано уже в *Tas Jauns Testaments*, 1685 года (Math. 8.19; Luc. 9.57 и др.).

При просмотре основных источников по средненижне- и средневерхненемецкому создается впечатление, что сочетание *wahen* имеет несколько другую функцию, чем *kurp* в латышском, *hen* здесь остается связанной во многом с глаголом (отделяемой приставкой). Даже в современном немецком возможны, как правило, пары: *Wohin gehst du?* и *Wo gehst du hin?* Параллельных этим конструкций латышское *kurp* не имеет.

Далее, в LKŽ указывается литовская форма *kurp* с, однако, одним источником. Другое указание на лит. параллель *kurpi* находим у Arumaa (1934: 101).

Представляется возможным, что древняя форма *kurp* закрепила за собой значение направления („куда“), как предлагает Росинас, под влиянием конструкции *viruop iet*. Учитывая, что адессив и аллатив в остальном, практически, были утеряны в латышском, такая семантическая консолидация форм кажется нам вероятной.

8.

8.1. Подводя итог, хотелось бы отметить, что нам осталась не до конца ясной общая точка зрения самого Росинаса о возникновении адессива ед. ч. Считает ли он, что адессив ед. ч. образован на базе древнего датива, тогда непонятно, почему он не ответил

конкретно на некоторые пункты в Сержант (2004а), касающихся именно этого вопроса⁵ и, более того, в Rosinas (2005: 177, сноска) отметил, что он такого высказывания не делал (что адесс. ед. ч. основан на базе древнего датива), т. е. получается выводы из работы Rosinas (1999) мы поняли неправильно?

8.2. Что касается идеи, высказанной в Seržant (2004b), то здесь мы вообще не нашли указаний на позицию Росинаса по этому вопросу, как и не нашли конкретной критики, хотя нам было бы интересно узнать его мнение, а главное, его аргументы.

ЛИТЕРАТУРА

- ARUMAA, P. 1934: *Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina*, Tartu: Acta et commentationes Universitatis Tartuensis.
- GRIMM, J. und W. 1960: *Deutsches Wörterbuch*, bearbeitet von Ludwig Sütterlin und den Arbeitsstellen der Deutschen Wörterbuches zu Berlin und Göttingen. 14. Band, II. Abteilung, Wilb-Ysop. Leipzig Verlag von S. Hirzel.
- LÜBBEN, A. 1980: *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Nach dem Tode des Verfassers vollendet von Christoph Walther. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- ROSINAS, A. 1999: Inesyvo ir adesyvo formų kilmes ir raidos klausimu. *Baltistica* 34 (2), 173–183.
- ROSINAS, A. 2005: Dar dėl adesyvo kilmės aiškinimo. *Baltistica* 40 (2), 177–181.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, В. А. 1959: О некоторых возможных причинах происхождения иллативного значения у латышского локатива. In: E. Sokols, ed., *Rakstu Krājums. Veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 243–246.
- СЕРЖАНТ, I. A. 2004а: К вопросу об образовании адессива. *Acta Linguistica Lithuanica* 51, 49–57.
- SERŽANT, I. A. 2004b: Zur Vorgeschichte des Inessivs. *Acta Linguistica Lithuanica* 51, 59–67.
- SERŽANTS, I. A. 2004c: Einige Bemerkungen zur Geschichte des Illativs. *Baltu Filologija* 13 (1), 113–120.
- STANG, Chr. S. 1966: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo etc.: Universitetsforlaget.
- WALCHLI, B. 1998: Der Synkretismus der Lokalkasus im Lettischen und Livischen. *Linguistica Baltica* 7, 207–229.
- ZINKEVIČIUS, Z. 1966: *Lietuvių dialektologija*. Vilnius: Mintis.
- ZINKEVIČIUS, Z. 1982: Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai. *Baltistica* 18 (1), 21–38.

Ilja Seržants

Lietuvių kalbos institutas

P. Vileišio g. 5, 10308 Vilnius, Lietuva

⁵ Например, к какой форме датива он возводит ад. типа *sūnup(1)* или *patier(1)*.